

**НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ АРКАДИЯ
ДОЛГОРУКОГО (СПИНОЗА И ЛЕЙБНИЦ В ЧЕРНОВИКАХ РОМАНА
«ПОДРОСТОК»)**

В последние годы достигнуты значительные успехи в изучении связи творчества Достоевского с предшествующей и современной ему философской мыслью. Это известные исследования Г. М. Фридлендера, В. В. Копылова, Г. Д. Гачева, Ю. Ф. Карякина, В. А. Бачинина, М. Я. Ермаковой, А. Дулова, В. Н. Белопольского, В. А. Викторovichа и других, посвященные взаимовлиянию философии и русской литературы.

Однако углубленное прочтение произведений Достоевского, изучение всех подготовительных материалов к ним, конкретное исследование в контексте философского опыта помогают точнее определить и понять направленность творчества писателя, потенции героев в развиваемой им концепции человека.

Обратимся к роману «Подросток», содержанием которого является нравственное восхождение, становление души героя, ищущего правды жизни, роману о поисках молодым человеком «нравственных начал».

Подготовительные материалы к роману, его черновой и белой автографы дают возможность восстановить последовательность мысли писателя при создании окончательного текста. В пятой главе второй части романа Аркадий Долгорукий, заключая драматическую сцену столкновения на семейном обеде у матери, неожиданно заявляет: «Мама, милая, в прошлый раз я здесь сказал... неловкое слово... мамочка, я врал: я хочу искренно верить, я только фанфаронил, и очень люблю Христа... У нас в прошлый раз действительно вышел разговор в этом роде» (13, 215). Однако в тексте романа никакого предшествующего «разговора» на подобную тему нет. Был ли это только художественный прием или подобный «разговор» предполагался писателем? В подготовительных материалах, относящихся к этой главе, имеются записи: «...учил Лизу и мать философии (...), поссорился из-за философии (абсолют, Спиноза)» (16, 267). Следовательно, Достоевский действительно планировал написать сцену, в которой Подросток излагал свои философские взгляды. Имя Б. Спинозы упомянуто в первоначальных разработках данной главы многократно: «дошло до Спинозы» (16, 264); «О Спинозе, он Версильову, в отчаянии и деспотично» (16, 266); «Вечером у матери. Спиноза. Руку целовал» (16, 272) и др. Что для Достоевского стояло за именем великого нидерландского философа XVII в., что из его учения писатель хотел вложить в уста Подростка?

Следовавший в своих воззрениях за рационалистом и материалистом французским философом Р. Декартом, Спиноза посвятил свою жизнь поискам доказательств того, что природа никем не создана, никого нет ни над ней, ни вне ее, а понятия «природа» и «Бог» — синонимы. Единая и единственная природа исключает существование какого-либо другого начала и поэтому является причиной самой себя. Она вечна и бесконечна. Человек, по мнению Спинозы, «пока он составляет часть природы, должен следовать ее законам. Это и есть богослужение. Пока он делает это, он счастлив».¹ Мир постигается человеческим разумом как свойством, атрибутом материи. Разум Спиноза рассматривал как высший источник и критерий знания. Учение о Боге и человеке есть основа этики философа, изложенной в его главном труде жизни «Этике» (1677). Один из основополагающих предметов исследования в книге — это человеческое счастье. Здесь же он обращается к изучению соотношения добра и зла, необходимости и свободы. Обосновывая принцип детерминизма, Спиноза писал в «Этике»: «В природе вещей нет ничего случайного, но все определено к существованию и к действию по известному образу и необходимости божественной природы».² Философом была разработана нравственная модель, идеал личности — мудрец, живущий по руководству разума, чтобы прийти к высшему совершенству. «Мы желаем образовать идею человека, которая служила бы для нас образцом человеческой природы»,³ — писал он, утверждая, что генезис нравственных начал не в Боге, а в природе человека. Именно Спиноза отрицал божественную сущность Христа. Для него то, «что Бог принял человеческую природу (...) не менее нелепо, чем если бы кто-либо сказал (...), что круг принял природу квадрата».⁴

У нас нет сведений, что Достоевский занимался изучением воззрений Спинозы, читал его «Этику». Но необходимо учитывать, что материалистический пантеизм ученого оказал значительное влияние на последующие поколения философов. Взгляды Спинозы высоко ценили и излагали французские материалисты и немецкие просветители XVIII в.⁵ Особенно сильное воздействие философия Спинозы оказала на его «верного и страстного почитателя» Гете. В автобиографической книге «Из моей жизни. Поэзия и правда» он писал: «...великий ум, так решительно на меня воздействовавший и оказавший такое влияние на весь строй моего мышления, был Спиноза. После того как я везде и всюду тщетно искал средство, которое помогло бы формированию моей неучтливой и прихотливой сути, я напал, наконец, на его „Этику“ (...) словно бы в свободной и необъятной перспективе передо мной открылся весь чувственный и весь нравственный мир...».⁶ Далее Гете рассуждает о вытекающей из нравственного учения Спинозы теории бескорыст-

¹ Спиноза Б. Избр. произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 144.

² Там же. С. 387.

³ Там же. С. 524.

⁴ Там же. Т. 2. С. 631.

⁵ См.: Бельский М. С. Спиноза о религии, боге и Библии. М., 1977. С. 116—118.

⁶ Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 3. С. 529—530.

ной любви и дружбы, ставшей его «девизом» и «житейским правилом».⁷ Возможно, что разговор Подростка с матерью о безнравственности «не заслуженной любви» (13, 212), вдруг возникший в рассматриваемой нами главе «Подростка», не случаен, а восходит к «Этике» Спинозы и ее восприятию немецким писателем.

На воззрения нидерландского философа опирался в своих выводах Л. Фейербах, который писал: «Спиноза есть Моисей для современных вольнодумцев и материалистов».⁸ И в самом деле, современный ученый В. В. Соколов считает, что пантеизм Спинозы с его максимальным приближением Бога к природе человека, растворявший в Боге природу, составлял «основу оппозиционных и даже революционных движений наиболее активных слоев народных масс».⁹ Достоевский-петрашевец несомненно находился в сфере философских идей, близких к атеистическим. Речи о религии М. В. Петрашевского, Ф. Г. Толля, И. Ф. Л. Ястржембского, Н. А. Спешнева основывались на воззрениях Л. Фейербаха, который исследовал основной принцип философии Спинозы — понятие природы, и в частности отрицал значение личности Христа. Петрашевцы были атеистами, считавшими религию безнравственной, так как она воспитывает в человеке страх перед будущим наказанием. При этом некоторые петрашевцы оставались христианами в духе идей «французской революции, Жорж Санд и Ф. Ламенне».¹⁰

Комментируя подготовительные материалы к роману «Подросток», А. С. Долинин писал, что свои «взгляды юных лет» (имея в виду период увлечения идеями петрашевцев) Достоевский решил «передать милому юноше-подростку».¹¹ Философские дискуссии, происходившие в кружках петрашевцев, собственный опыт писателя, конечно, могли стать исходным моментом при изображении споров у Дергачева и теологических высказываний Аркадия Долгорукого, но в романе безусловно отразились воззрения и философские размышления Достоевского, обогащенные позднейшим опытом. Достоевский в «Дневнике писателя» 1873 г. в главе «Одна из современных фальшей», непосредственным толчком для написания которой явился арест участников кружка долгушинцев, подчеркнул не только преемственность идей молодежи 1840-х и 1870-х гг., но и их различие. Молодежь «тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете...» (21, 130), как первые ее шаги в жизни. Теперь же подобная молодежь ужасает писателя: «Раз отвергнув Христа, ум человеческий может пойти до удивительных результатов», и «даже честный и простодушный мальчик (...) может подчас обернуться нечаевцем» (21, 133). Именно подобная мысль не дает писателю покоя в период работы над «Подростком».

В первой части романа герой в большей степени близок к кружку дергачевцев, чем в последующих частях. Причины отказа от углубления

этой линии повествования убедительно проанализированы А. С. Долининым¹² и Г. Я. Галаган (см.: 17, 302—303).

Упоминание Б. Спинозы в черновиках было отголоском споров именно в кружке Долгушина—Дергачева, молодых людей 1870-х гг. Одной из установок дергачевцев являлись призыв «жить по закону природы и правды», споры о «нормальном человеке». Аркадий противопоставляет дергачевцам свою точку зрения на «человеческую личность» и ее свободу. Он не принимает их атеизма: «Ведь вы Бога отрицаете...», «У вас будет казарма, общие квартиры, *stricte nécessaire*, атеизм...» (13, 49, 50).

Достоевский не мог не быть и в курсе философских течений, подвергавших критике учение Спинозы. Так, сторонники философского идеализма ставили в центр своих исследований опровержение спинозизма. Гегель доказывал, что единая субстанция Спинозы — это загранированный Бог. В «Науке логики» он писал: «Спиноза понимал Бога как субстанцию. Субстанция представляет собой существенную ступень в процессе развития идеи; она, однако, не есть абсолютная идея, но идея в еще ограниченной форме необходимости. Бог, правда, есть необходимость, или иначе абсолютный предмет, но Бог есть вместе с тем абсолютная личность, и это именно тот пункт, которого Спиноза не достиг и по отношению к которому следует признать, что спинозовская философия осталась позади истинного понятия Бога — понятия, которое образует содержание христианского религиозного сознания».¹³

Критика спинозизма была продемонстрирована и в труде, более близком по времени к Достоевскому. Речь идет о многотомной «Истории новой философии» немецкого историка философии Куно Фишера, первый том которой охватывает историю философии Декарта и Спинозы. Отрывок из этого первого тома под заглавием «Учение Спинозы о Боге» в переводе Н. Н. Страхова (он перевел первые четыре тома девяти томного труда Куно Фишера) был опубликован в журнале «Время» в 1861 г. К. Фишер излагает спор между философом Ф. Якоби, с одной стороны, и М. Мендельсоном и И. Г. Гердером — с другой, по поводу того, «что такое учение Спинозы — атеизм или теизм?».¹⁴ К. Фишер же со своей стороны пытается найти «правильную точку зрения», стремится «изгнать из ума ложные точки зрения, которые извратили спинозизм и приучили представлять его почти всегда в ложном виде».¹⁵ Критик считал суждения философов о Спинозе ошибочными: «Система, которая по причине (...) логического строения одному кажется атеизмом, а другому — теологиею, не будет для нас ни то, ни другое».¹⁶ К. Фишер берет сам исследовать «понятие Бога» у Спинозы (курсив мой. — И. Я.). Достоевский не только был знаком со взглядами Куно Фишера по печатным источникам, он вел со Страховым длинные философские разговоры. Последний вспоминал, что «Федор Ми-

⁷ Там же.

⁸ Фейербах Л. Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 155.

⁹ Соколов В. В. Философский синтез Готфрида Лейбница // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 32.

¹⁰ См.: Никитина Ф. Г. Петрашевцы и Ламенне // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 257.

¹¹ См.: Литературное наследство. М., 1965. Т. 77. С. 482.

¹² Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.: Л., 1963. С. 81—84.

¹³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 329.

¹⁴ Время. 1861. № 9. С. 119.

¹⁵ Там же. С. 118.

¹⁶ Там же. С. 122.

хайлович любил эти вопросы о сущности вещей и о пределах знания, и помню, как его забавляло, когда я подводил его рассуждения под различные взгляды философов, известные нам из истории философии. Оказывалось, что новое придумать трудно, и он, шутя, утешался тем, что совпадает в своих мыслях с тем или другим великим мыслителем».¹⁷

Куно Фишер считал, что взгляд Спинозы на Бога и природу отличен от воззрений современных ему христиан, и именно это особенно привлекало в его философской системе. Так и для противников христианства — дергачевцев, призывающих жить по «закону природы» и «устроить рай на земле, но без Бога», близки объяснения Спинозой сущности Бога природою. Если Бог для Спинозы, считал К. Фишер, «представляет ум, начертывающий план мира, то произведением божественной силы без сомнения будет наилучший мир и отдельные вещи будут в постепенном порядке лестницы приближаться к Богу. Таким представлением, — делал вывод Фишер, — по-видимому, теизм спасен. но вместе с тем спинозизм перешел в теодицею Лейбница».¹⁸

К подобному выводу, возможно, пришел и Достоевский, отказавшийся от анализа мыслей Спинозы на новом этапе творческой истории романа и в черновом автографе разработавший «разговор» Подростка с матерью о философии Лейбница.

После свидания с Катериной Николаевной Ахмаковой Аркадий, находясь в состоянии «радости» и «сияния», когда ему «хотелось скакнуть кому-нибудь на шею...» (17, 75), как говорилось в черновом автографе, «стал вдруг необыкновенно развязан» и вдруг «мигом прорвался». Далее в черновом автографе было начато: «Понять не могу, с чего я вдруг заговорил тогда о философии (...) Я именно, толкуя, обращался к маме, которая только открывала на меня большие глаза, начав же ей толковать неизвестно зачем и по какому поводу, толковал ей что-то о Лейбницевой монаде. В философии я, впрочем, кое-что смыслил, но именно только кое-что, так, верхушки, азы; прочел три-четыре статьи в журналах (...) Но теперь, толкуя маме, я вдруг сбился [и монада у меня вышла как нечто сознающее, чувствующее, единичное и несуществующее вещественно]» (17, 76). Все присутствующие на обеде у матери воспринимают слова Аркадия с нарастающим недоумением: Татьяна Павловна старается его грубо прервать, мать краснеет и, потупив глаза, просительно произносит: «Ну уж полно, пожалуйста», а на лице Версилова Аркадий видит «решительно стыдящееся» за него выражение. «И все захохотали», — заключал первоначально Достоевский сцену, но тут же вычеркнул фразу, тем самым сняв ироническое отношение родных к философским рассуждениям Аркадия. Итак, атеиста Спинозу подготовительных материалов сменяет Лейбниц с его монадой.

Приведенное выше упоминание великого немецкого энциклопедиста Г. Лейбница у Достоевского единственное. Трудно судить, в какой степени писатель был знаком с грандиозной системой философских взглядов ученого, изложенных в его основном философском сочинении

¹⁷ Биография, письма и заметки из записных книжек Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 225.

¹⁸ Время. 1861. № 9. С. 135.

«Теодицея». В Полном собрании сочинений Достоевского имя Лейбница никак не прокомментировано, так как упоминание его находится в отброшенном черновом варианте романа.

Знаменитый философ XVIII в., бывший также известным математиком, физиком и дипломатом, Г. Лейбниц в своих произведениях выступал против материалистических выводов Спинозы. В статье «Размышления относительно учения о едином всеобщем духе» он писал: «Спиноза думал, что доказал существование единой субстанции в мире, но его доказательства жалки и невразумительны».¹⁹ Критикуя безликость единого всеобщего духа, который лишает связанные с ним души их индивидуальности, Лейбниц считал, что в действительности «находятся все субстанции». Не приемля пантеизм, он обосновывает свой философский деизм — учение, по которому признается существование Бога, но только в качестве первопричины мира. А сведя значение Бога лишь к функции создателя Вселенной, философ противопоставил свои взгляды христианским верованиям. В этом смысле Достоевский, конечно, полемизирует с подобными воззрениями. Вослед Лейбницу Версиров, заканчивая свою фантазию в духе Клода Лоррена, доверительно сообщает Аркадию: «...я — деист, философский деист, как вся наша тысяча» (13, 379). Но в отличие от немецкого философа, отрицавшего сущность Христа, герой Достоевского заключает: «...но замечательно, что я всегда копчал картинку мою видением, как у Гейне, „Христа на Балтийском море“. Я не мог обойтись без Него, не мог не вообразить Его...» (Там же).

Для Достоевского Христос здесь не просто символ высшего нравственного идеала, но мечта о «Богочеловеке».

Устами Аркадия Долгорукого Достоевский предполагал изложить учение Лейбница о монадах, которое содержится в небольшой статье философа «Монадология». «Монада, о которой мы будем здесь говорить, — начинается статью Лейбниц, — есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей».²⁰ Далее ученый излагал свое стройное философское миросозерцание, в основе которого и лежат простые монады, кроме которых в мире ничего нет. Он различал три основные разновидности монад: кроме простых или «голых» — низших, образующих неорганическую природу, существуют также души и духи. Душами Лейбниц называл монады, восприятия которых более отчетливы и «сопровождаются памятью».²¹ Подобные монады — способные чувствовать — принадлежат животным. Отличительное свойство высшего разряда монад — духов — это разум, свойственный человеку. Все сознающая с абсолютной ясностью высшая монада — это Бог. Все монады Лейбниц наделил активностью или «стремлениями» различной степени. Только духи наделены многообразной жизненной активностью, обладают истинными стремлениями — способностью к познавательной активности. Из этого вытекает, по Лейбницу, следующее положение: «...по-

¹⁹ Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 361.

²⁰ Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Соч. Т. 1. С. 413.

²¹ Там же. С. 416.

знание необходимых и вечных истин отличает нас от простых животных и доставляет нам обладание разумом и науками, возвышая нас до познания нас самих в Боге».²² Одна из исходных и основополагающих позиций Лейбница в том, что в разуме нет ничего, чего бы раньше не было в чувствах, за исключением самого разума. В чувственном опыте открываются лишь единичные понятия, сведения о внешнем мире, недостаточные для познания общей истины, только «духи (...)» суть отображения самого Божества или самого Творца природы, и способны познавать систему Вселенной».²³

Обращение Достоевского к философии Лейбница в черновиках «Подростка», возможно, восходит к знакомству писателя с книгой Вл. С. Соловьева 1874 г. «Кризис западной философии»,²⁴ где был изложен первый вариант его философской системы. Книга имелась в библиотеке Достоевского. К сожалению, В. А. Викторovich в статье «Достоевский и Вл. Соловьев»,²⁵ рассмотрев «параллелизм исканий» и «соотношение двух миров» писателя и философа, не привлек роман «Подросток». Роман, ближайший по времени написания книге Соловьева. Тем более что «Подросток» из того ряда произведений, в которых писатель продолжал решать для себя «главный вопрос», которым он «мучился сознательно и бессознательно всю (...) жизнь, — существование Божие» (29, 117). Приведенные слова написаны Достоевским о предполагаемом «Житии Великого грешника», «Подросток» же органически связан с этим неосуществленным замыслом. В «Житии» у Великого грешника одно из «противоречий» Тихону — идеи основоположника позитивизма — О. Конта (9, 139), критике взглядов которого на религию, и в частности на Христа, посвящено приложение к книге Вл. Соловьева: «Теория Огюста Конта о трех фазисах в умственном развитии человека». Именно здесь Соловьев приводил утверждение О. Конта, что «Христос был только политический авантюрист».²⁶

Раскрыв во введении к книге основные начала «новой философии», Соловьев анализировал главное противоречие в ней: дуализм между разумом и природой. Рассматривая «абсолютную субстанцию» Спинозы, ученый доказывал «недостаточность» его учения «при всей его несомненной истинности». «Действительный синтез понятия души и тела, — рассуждал далее Соловьев, — произвел Лейбниц своим принципом монады».²⁷ Изложив основы учения о «единстве Лейбницева монады»,²⁸ Соловьев отнес немецкого философа, как и Спинозу, к «главным представителям „догматической метафизики“».²⁹ Возможно, что оценка Соловьевым учения Лейбница заставила писателя более серьезно вдуматься и в его теорию о «предустановленной гармонии», из которой философ делал вывод о внутреннем единстве Вселенной, где

Бог — верховный организатор природы и «монарх», ведущий «духи» к все большему совершенству.

В подготовительных материалах к «Подростку» на одном из первоначальных этапов был разработан диалог Подростка «с тетками», явившийся в будущем зерном рассматриваемой пятой главы второй части. Это несколько, как говорит Достоевский, «очень умных замечаний» Подростка: «Христианская вера ничего не значит. (...) Я уважаю Христа как деятеля и вообще как личность, но в остальное не верю, как в глупость» (16, 72). Тетка отвечает затем на признание Подростка: «...я нарочно сказал, я верю в Христа», словами: «Ну, ниче(го) (...) Ведь Он (Христос) такой. Он теперь на тебя радуется, и будь Он здесь — тебя подождал и поцеловал (Курсив мой. — И. Я.). Вот на Духа хула, так то уж не прощает. — Это я знаю, — продолжается диалог, — это я понимаю, что так. Дух — это дух силы и свободы, которые человек (по крайней мере европейского типа) уж никогда не оставит, и гармонии, которая уже относится ко всему обществу и устроит общество разумное, на разумных началах» (Там же). В черновом автографе Достоевский убрал фразу о духе силы, свободы и гармонии, но оставил слова, восходящие к Евангелию, вложив их в уста матери: «...вот на Духа Святого хула, та не простится ни в сем веке, ни в будущем» (17, 78).³⁰

В окончательной редакции главы, где уже отсутствует разговор о Лейбницева монаде и нет упоминаний о философских взглядах Спинозы, мать, в ответ на извинения Аркадия в своем «неловком слове» о вере и Христе, не упоминает о «хуле на Святого Духа», она только произносит смиренно: «Христос, Аркаша, все простит: и хулу твою простит (...) Христос — отец, Христос не нуждается и сиять будет даже в самой глубокой тьме...» (13, 215). Тем самым эпизод разрешается чисто в народно-христианском духе, близком по смыслу словам Достоевского: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа» (28, 176). Преодолев колебания и решив не вдаваться в критику западноевропейских философских школ устами Аркадия, который «ищет руководящую нить поведения (...) ищет чутьем, и в этом цель романа» (16, 51), Достоевский, пройдя через осмысление философии Спинозы и теодицеи Лейбница, заключил рассматриваемую главу романа, обратившись к безусловной для него нравственной истине — к христианской философии добра.

³⁰ Ср.: Мф. 12 : 31—32.

²² Там же. С. 418.

²³ Там же. С. 428.

²⁴ Соловьев Вл. С. Кризис западной философии (Против позитивизма). СПб., 1874.

²⁵ Достоевский и мировая культура: Альманах. № 1. Ч. 2. СПб., 1993. С. 5—31.

²⁶ Соловьев В. С. Собр. соч. СПб., 1901. Т. 1. С. 153.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Там же. С. 126.